
ИЗ ПУШКИНОВЕДЧЕСКИХ РАЗЫСКАНИЙ*

В.И.Кулешов

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ПУШКИНА (К пересмотру концепций)

Пора пересмотреть укоренившиеся представления об идейном развитии Пушкина, этапах его духовного становления, об общественных взглядах, особенно в конце жизни. Конечно, он певец свободы, конечно, историк Пугачевского бунта... Однако, следовало ли подчищать на его московском памятнике в юбилейном 1937 году фразу о “свободе” и заменять ее черновым вариантом: “вослед Радищеву”. Ведь принципиально всегда предпочтительнее беловик. Тут своеволие непозволительно.

В юности Пушкин был “вольтерьянцем”, отсюда и продекабристские “вольные стихи”, атеизм “Гавриилиады”, шумная слава среди своего поколения. Пушкин преклонялся перед автором “Кандида” (“Всех больше перечитан, / Всех менее томит”). Подкупала универсальность “сына Момы и Минервы”, “Фернейского злого крикуна”, Ариоста, Тасса, “внука”, повсеместное влияние на европейские умы. Кто тогда из мало-мальски мыслящих не был “вольтерьянцем”? Даже дядюшка Василий Львович слыл “вольтерьянцем”. В грибоедовском “Горе от ума” много толков о “вольтерьянцах”, фамусовское общество клеймит этим словом всякого, кто идет наперекор устарелым традициям, косности и раболепию.

* Первый и третий разделы пушкинских материалов представлены В.И.Кулешовым, второй (“Евгений Онегин”) — Н.И.Москайловой.

Ссылки на тексты Пушкина даются по изданию: Пушкин. Полн. собр. соч. В XVI т. М.; Л., 1937—1949, с указанием в скобках №№ и страниц.

Но в конце жизни, в 1836 году, в специальной статье "Вольтер", опубликованной в "Современнике", Пушкин решительно пересматривает оценки своего прежнего кумира, открывает в нем многие недостатки, его тщеславие, компромиссность, мелочность в поддержании своей славы "баловня Европы", равно и в корыстных целях как человека "делового", "капиталиста" и "владельца", неумение сохранить свое "собственное достоинство" во многих случаях. Слово "капиталист" принадлежит Пушкину (XII. 78. 80). Моральный облик Вольтера-просветителя поблек в глазах Пушкина, хотя заветы просветительства в самой общей форме он сохранил до конца своих дней. Пушкин внимательно следил за разложением учений Дидро, Руссо. Он упрекал "сенсимонистов", которые тоже не придумали более высокой формы общественного устройства, удовлетворяющей человечество.

Задолго до поражения декабристов он уже видел слабость этого движения, узкосектантский его характер. Тайные сходки, большей частью за "чашею вина", носили оргиастический характер. Даже в X-й главе "Евгения "Онегина", считающейся весьма крамольной, которую Пушкин сжег, а наиболее резкие стихи из семнадцати строф зашифровал, он не может обойтись без иронии по отношению к друзьям и не предвидит в "сей толпе дворян / Освободителей крестьян". Вакхический характер принимали и заседания общества "Зеленой лампы". Все-таки свобода больше мыслилась "по манию царя". Подавляющее число декабристов рассматривали себя не как ниспровергатели трона, а как советники и пособники царя в реформах, которые Александр I наобещал в угаре от побед над Наполеоном. Пушкин глубже понимал обстановку, лицемерие Александра I и барский характер многих русских Мирабо.

Сначала эти заговоры
 Между Лафитом и Кликю
 Лишь были дружеские споры,
 И не входила глубоко
 В сердца мятежная наука,
 Все это было только сжука,
 Безделье молодых умов;
 Забавы взрослых шалунов.

Недописанные строфы X-й главы, намеки из расшифрованных семнадцати строф многие стараются домыслить в революционном духе. Отсюда — и самого героя, Онегина, подтягивают к декабристам. Но X-ю главу целиком Пушкин давал читать Николаю I, и тот запретил ее. Верховный цензор перебарщивал, но Пушкин, хотя и признавался, что встал бы в ряды мятежников, вовсе не писал роман о декабристах, и сам знал меру всем вещам. Он мог написать "Послание в Сибирь", тосковать по друзьям, Пушкину и Кюхельбе-

керу, “милость к падшим” призывать, но знал, что дело их проиграно.

Поэт видел поражение всех европейских революций (Пьемонт, Неаполь, Испания, Греция), слабую их организованность, изобилие риторики, романтическую нечеткость идеалов, усталость масс: “народы тишины хотят”. Он знал, какие силы остановили волны. Дело не только в Священном союзе. Один Байрон в Европе упивался греческим восстанием и помогал ему. Пушкин не видел ни Алкивиадов, ни Фемистоклов, — среди греков одни лавочники, торгаши, готовые на сговор с турками, а фанариоты давно уже — прислужники власть имущих и никакие не патриоты. Александр Ипсиланти боялся собственного народа, оставил войско на произвол судьбы, интернировался в Вене. А он — некогда флигель-адъютант русской службы, он предтеча русских “диктаторов”, главный из которых, как известно, даже не явился 14 декабря на Сенатскую площадь.

Пушкин погружался в пессимизм: “свободы сеятель, он вышел слишком рано”. Его поколение — герои Бородина — исчерпало свои возможности. Неизмеримые силы правительства подавили мятеж, да и в мятеже много было сутолоки, бессмыслицы: Каховский, ни за что ни про что, убивает Милорадовича, суворовского генерала, того самого Милорадовича, который “допрашивал” Пушкина в 1820 году, простил ему “вольные” стихи, за что получил выговор от императора. Солдаты кричали: “Конституция”, думая, что это имя жены цесаревича Константина.

Яркой особенностью духовного развития Пушкина была его неудержимая стремительность. Он первым вступал (за вычетом вольтерьянства) в начинающуюся фазу духовных общественных исканий, создавал самые громкие стихотворения-манифесты этого движения, но и быстро сжигал себя в этих исканиях, доходя до кризиса, чтобы снова, первым, открыть новую фазу поиска, вовлекая в него ближайших друзей. Он был общепризнанным глашатаям самых современных идей. Но скоро наступал кризис, и он смело отказывался от прежних убеждений, о чем открыто заявлял в лирике или письмах к друзьям. Как правило, новая ступень была выше прежней, не всегда понятной современникам.

Он мог исповедоваться перед случайным человеком о переменах в своих взглядах. Такова его “исповедь” перед юнкером одного из гвардейских полков, стоявших под Москвой в конце 20-х годов, Ю.Струтыньским, поляком из окружения Адама Мицкевича. Поэт поведал юноше подробности своей аудиенции с Николаем I в 1826 году. Пушкин в сущности заставил царя признать, что, кроме абсолютной монархии, которая тождественна с деспотизмом, существует еще более высокая форма — конституционная монархия, к которой Россия рано или поздно должна прийти. Так предполага-

лось по логике беседы с царем. Пушкин отказывался от революционного республиканизма, насильственных, кровавых способов улучшения жизни. Свои либеральные стихи он теперь считал юношеским увлечением, данью тщеславию и охотно подчеркивал некоторую цельность и постоянство своих стремлений, и хотел бы, чтобы никто не приписывал ему лишнего. Струтыньский в воспоминаниях записал слова Пушкина: "Я был таким, каким до конца дней моих по природе своей останусь, — любящим свою родину, вольность и отечественную славу"¹. Нет оснований не доверять воспоминаниям Струтыньского, этот поляк был на русской службе и прорусских ориентаций. Большая степень откровенности Пушкина перед юношей (он был на одиннадцать лет моложе), объясняется тем, что поэт доверял ему, как и Адаму Мицкевичу, в кругу которого такие личные темы, видимо, проговаривались не один раз.

Но как возмущен был Пушкин, когда прочел во французской газете речь И.Лелевеля, посвященную годовщине свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 г. и гибели русских патриотов, в которой упомянут Пушкин как выразитель "политических устремлений русской молодежи" и что Пушкин будто бы теперь в ссылке и оппозиционно настроен по отношению ко двору и государю. Пушкин собирался отвечать Лелевелю и сделал в дневнике выписку из его речи, но, видимо, догадался, что материал, использованный Лелевелем, был инспирирован русскими недругами поэта, не даром материал появился в виде корреспонденции, якобы присланной из Петербурга. Пушкин не хотел, чтобы о нем ходили произвольные мифы и легенды: он с годами больше всего хотел быть самим собой.

В.И.Далю по пути в Берды Пушкин рассказывал, что еще намерен и надеется сделать. Начаты были уже какие-то три романа, хотелось написать историю Петра Великого и нечто художественное о нем, "о, вы увидите, я еще много сделаю! Ведь недаром, что товарищи мои все поседели да ослепивели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянуться я..."².

Еще в декабре 1823 года в письме к А.И.Тургеневу из Одессы встречается один из самых первых отказов Пушкина от либерализма; о перемене своих взглядов он заговорил в связи с Наполеоном: "Да будет омрачен позором...", и добавляет: "Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года, — впрочем, это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басни умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя)": "Свободы сеятель пустынный" (XIII, 79). С годами все больше и больше Пушкина привлекали "басни" Христа, и не было никакой иронии по поводу "умеренного демо-

крата". В одном из писем к Чаадаеву, еще позднее, настаивая на "идее Христа", Пушкин указывал, что эта идея была сначала монархической, потом она стала республиканской, то есть духовным оружием всех угнетенных. Приближение этой идеи к жизни, опыту простого человека и сблизило Пушкина с раскаившимся карбонарием итальянцем Сильвио Пеллико.

Пушкин с годами неоднократно заявлял о своем отказе от былого своего либерализма. Так М.В.Юзефович слышал от Пушкина на Кавказе, что "он дорого бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости". Мировоззрение его изменилось уже "вполне и бесповоротно"³, он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий. К нравственным требованиям он относился даже с пуританской строгостью (например, осуждал порнографические романы маркиза де Сада). По свидетельству А.О.Смирновой, Пушкин в разговоре с Плетневым жаловался на тоску — это в начале 30-х годов, — и признавался: "Вот уже год, любезный друг, что я, кроме Евангелия, ничего не читаю".

До того, как Пушкина увлекла книга С.Пеллико, у него уже было несколько попыток истолкований "обязанностей человека". Несомненно, своеобразным предшественником С.Пеллико для Пушкина в теоретическом плане был историк и публицист Ж.-П.-Ф.Ансильон. Его книгу "Размышления о человеке, его связях и интересах" ("Pensées sur l'homme, ses rapports et ses intérêts", 1829), которую подарил Пушкину Чаадаев и она с пометками Чаадаева сохранилась в библиотеке поэта. П.Я.Чаадаев, озабоченный мнением Пушкина о "Философических письмах", фактически уже вступил в полемику с поэтом, ибо Пушкин со многим в его "письмах" был не согласен.

Чаадаев мечтал о "революции духа", сам хотел бы стать пророком, чтобы спасти Россию, "сбившуюся с пути". Во всяком случае, он верит, что человечество скоро получит от неба "новую благую весть", что "скоро появится человек, который принесет нам истину веков". Эта истина может принять вид "политической религии", как, например, у Ламенне. Божественному посланцу может предшествовать смелый священник, каким, например, был Моисей.

В этом аспекте Аристотель, Сократ — плоские прагматисты, — завещавшие лишь "малодушное сомнение", Марк Аврелий — искусственная подделка под образец Гомер — преступный развратитель человеческой природы, так как поэтизировал гнуснейшие страсти, войну, кровопролитие. Другое дело — Магомет! Пушкин сам был поглощен философскими и историческими поисками, верил

в необходимость духовного обновления мира, хотя и не соглашался со многими оценками Чаадаева, например, с его неприязнью к Гомеру и Марку Аврелию. “Разве то, что есть кровавого в “Илиаде”, не встречается также и в Библии?” (XIV, 188). Пушкин заявлял, что единство христианства и человечества заключается не в католицизме и папе римском, а в “идее Христа”.

Было время, когда Пушкин, знакомясь с новым для него человеком, внутренне себя как бы спрашивал, насколько он способен к революционным дерзаниям, готов был сам добавлять ему уверенности, как это было при встречах с Чаадаевым: “пока свободой горим”. И Пестель понравился ему как сильный, волевой человек, способный повести за собой заговорщиков. Не зная точно о заговоре, Пушкин ценил гражданственную смелость в кишиневском друге В.Ф.Раевском, и особенно в И.И.Пушине, который полностью раскрыл свою душу перед поэтом во время встречи в Михайловском. В публицистической фразеологии излюбленными у Пушкина были обороты вроде следующих: “только революционная голова, подобная Мирабо или Петру, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык”. Или: “Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощенная революция)”. Пушкин упрекал А.А.Бестужева, что тот в своей статье “Взгляд на старую и новую словесность в России”, напечатанной в “Полярной звезде” на 1823 год, забыл упомянуть Радищева: “кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу — а от тебя его не ожидал” (XIII, 64). Н.И.Гречу здесь достается как автору “Опыта краткой истории русской литературы”(1822).

Но наступит время и Пушкин в специальной статье о Радищеве, предназначенной для “Современника”, но не пропущенной цензурой, весьма критически отзовется о “политическом фанатике” и отметит, что влияние его было “ничтожно”: “Все прочли его книгу и забыли ее”, “ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви” (XII, 36). А в статье “Путешествие из Москвы в Петербург” (иногда называемой “Мысли на дороге”) Пушкин шаг за шагом опровергает многие доводы Радищева в его знаменитом “Путешествии из Петербурга в Москву”. Пушкин не отрицает гражданской смелости, ни честности Радищева, хотя его одиночное выступление считает безумием. В этой статье делаются им следующие заявления: “Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и не охотно” (XI, 244). Пушкин пропускает такое звено, как общество, которое вовсе не было врагом просвещения и даже подвергалось гонениям со стороны дома Романовых, как, например, И.И.Новиков. А простой народ правительство сознательно держало в темноте и невежестве.

К концу жизни Пушкин оставался таким же одиноким посреди общества, как Радищев в свое время. В записке "О народном воспитании" он делает горькие выводы из деятельности поколения декабристов: "Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем ее восторгом и готовностью принимать всякие впечатления" (XI, 43).

Пушкин был озабочен поисками правильного реалистического подхода к действительности, возможностям в ней реально действовать. Из какого-то французского источника он сделал выписку: "Устойчивость — первое условие общественного благополучия. Как она согласуется с непрерывным совершенствованием?" В статье о радищевском "Путешествии..." у Пушкина есть любопытное заявление, солидарное с одним из выводов дерзновенного мечтателя XVIII века: "Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу" (XI, 265). Это и есть путь государственной устойчивости. Следовательно, есть какие-то обязанности и у государственного правления, ибо не без гордости, как бы вослед Радищеву, Пушкин сознает благотворительную роль литературы, писателей в достижении общей пользы: "Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда".

Величие человека в том, что он — мыслящее существо. Класс писателей достоин уважения. Пушкин против своеволия: "Да будет же она свободна (литература.— В.К.) — как должен быть свободен человек..." Здесь у Пушкина все согласно с Радищевым, но Пушкин каждый раз оговаривается: человек свободен "в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом". Это все Пушкин говорит и о себе, это теперь его программа, и он, как никогда убежден, что: "Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества..." (XI, 258). Революционность теперь для него — не созидательная, а разрушительная сила. Права человека,

гражданина для него неразрывно связываются с обязанностями власти и народа, каждого отдельного человека.

Пушкин испытывал, уже в Михайловском, интерес к Разину и Пугачеву. В пушкиноведении традиционно это обстоятельство трактуется в чисто политическом аспекте, что лишь отчасти верно. Симпатии к Пугачеву у него несомненны: подкупали личная незаурядность, природный ум и проч. Все дворянство и в XIX веке проклиняло Пугачева, и была личная смелость со стороны Пушкина взяться за эту тему. Но Пушкин изучал русский бунт не с целью его восхваления, а с целью уяснения его формы деятельности, ценности как в исторических судьбах России, так и в общечеловеческом плане. Потерпели поражения западно-европейские революции, о которых мы уже говорили. Великая Французская революция не оправдала просветительских надежд, в американской демократии, установившейся также после революции, Пушкин усмотрел много изъянов ("Джон Теннер"). И о русском бунте известны его конечные выводы: "Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка" (VIII, 383—384). У Пугачева не было созидательных начал, принципов обновления жизни. Он самозванец, хочет выглядеть добреньким царем по сравнению с Екатериной II, усилившей крепостной гнет и давшей привилегии дворянству. В этом — "бессмысленность" бунта. А беспощадность была с обеих сторон: народ на нее имел больше оснований.

В рецензии на второй том "Истории русского народа" Н.А.Полевого (1830) Пушкин соглашается с важным выводом автора о содержании всемирного исторического процесса: "История древняя кончилась богочеловеком... Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства" (XI, 127). В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года, Пушкин оспаривает мысль своего друга о превосходстве католицизма над православием, о ничтожности русской истории. Во многом отличаясь от Европы, Россия однако питалась чистым источником христианства и, остановив татар, внесла свой вклад в европейскую цивилизацию, спасла ее.

Размышляя над содержанием всемирного исторического процесса, над формами поступательного развития, Пушкин становится решительным сторонником христианского учения, которое существует уже почти две тысячи лет, принято многими народами, содержит лучшие рекомендации для человеческого существования,

превосходит все учения, которые после него исповедовались в Европе и в России. Отсюда у Пушкина критика Вольтера, Дидро, Руссо, Радищева, сен-симонистов. Его обрадовал выход в свет книги итальянского писателя, карбонария, много лет проведенного в австрийской тюрьме и пришедшего к убеждению, что следует отказаться от кровавой борьбы, что "права человека" могут быть достигнуты мирным, постепенным путем, если люди будут помнить больше о своих "обязанностях". Этот писатель — Сильвио Пеллико — друг Мацини и других итальянских писателей, автор принесшей ему славу трагедии "Франческа да Римини". Теперь "кроткий страдалец" выпустил книгу под необычным названием "Об обязанностях человека". Первая обязанность заключается в следовании за Христом. Нидерландский проповедник Фома Кемпийский уже пятьсот лет тому назад написал книгу "О подражании Иисусу Христу", которая переведена на все языки. Нечто подобное проповедовал в XVII веке Фенелон, богослов, моралист, утверждавший в романе "Приключения Телемака" спасительное значение христианских начал, способных сочетаться с наилучшей из форм государственного устройства — просвещенной монархией. Сильвио Пеллико, по мнению Пушкина, в высшей степени принадлежит "к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем человеков благоволения" (XII, 99). В этих книгах много любви и доброжелательства, пожеланий людям всех рангов. А источник вдохновения — Евангелие. Приведем большую цитату из Пушкина, в которой он с наибольшей полнотой говорит о том, что именно противостоит всем бесплодным учениям. "Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению, и погружаемся духом в ее божественное красноречие" (XII, 99).

Сам Пушкин в конце жизни — тоже "человек благоволения". В "Капитанской дочке" в центре внимания — простая девушка Маша Миронова, ее любовь, ее судьба. Два непримиримых антагониста — Пугачев и императрица Екатерина, по "закону" — классовые враги, но оба они сходятся на принципе добра, "благодати", ниспосылая ее сироте. Именно это деяние оба самозванца сочли своей человеческой обязанностью.

Христианство у Пушкина — форма его свободолюбия, демократизма, народности, гуманизма. Под знаменем "чистого"

Христа протекала Реформация, пуританское движение в Английской революции, французское просветительство, боровшееся против ортодоксальной церкви, и гораздо позднее даже Белинский в письме к Гоголю, отделяя Христа от официальной церкви, угодницы деспотизма, мимо чего проходил Гоголь в своих "Выбранных местах...", бросает упрек: "но Христа-то зачем Вы примешали тут?... Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения"⁴. Величайшие реалисты после Пушкина — Достоевский и Л.Н.Толстой — строили свое вероучение на идеях "чистого" Христа, признавая их нетленными духовными ценностями человечества. На христианской основе выросло учение философа Вл.Соловьева — "О положительном всеединстве" человечества, познавшего подлинную силу Истины, Добра и Красоты.

В наше время, после того как опробованы были все формы "классовой борьбы", атеизма, кровопролития двух мировых войн, античеловечность сталинизма и гитлеризма, ярко, во всем значении выступает поворот Пушкина к созидательным началам мирного, постепенного прогресса, обязанностям каждого на пути к человеческому братству.

¹ Новый мир. 1985. № 12. С. 214.

² Пушкин А.С. Воспоминания современников. М., 1985. Т. 2. С. 262.

³ Там же. С.115.

⁴ Белинский В.Г. Избр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 283.

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1996

№ 8

Отделение литературы и языка Российской академии наук
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Международное общество культурных связей с Индией

Издается с 1993 года

К 200 - ЛЕТИЮ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА Тематический номер

СОДЕРЖАНИЕ

Из пушкиноведческих разысканий

В.И.Кулешов. Духовный путь Пушкина (К пересмотру концепций).	3
А.А.Смирнов. Романтика дружбы в лирике Пушкина.	13
М.В.Строганов. О роли предания в исторических сочинениях А.С.Пушкина.	23
Д.П.Ивинский. "Медный всадник" Пушкина и "Отрывок" III части "Дядюв" Мицкевича.	32
А.Б.Криницын. Пушкин и Жюль Жанен.	37
И.С.Кузнецов. Элегия Пушкина "Брожу ли я вдоль улиц шумных...".	49
Т.К.Батурова. Пушкин и альманах "Уrania".	56
Г.В.Зыкова. "Цыганы" и опера Вебера "Прецноза".	65

К "Евгению Онегину"

Ю.В.Стенник. Традиции Державина в "Евгении Онегине".	68
Н.Л.Дмитриева. Татьяна и Полина (Пушкин и Загоскин).	77
Г.В.Краснов. Соседи в поэтическом мире "Евгения Онегина".	85
В.А.Кошелев. Именник "Евгения Онегина" в функциональном аспекте.	91
Е.Я.Вольская. "Куплет Татьяне".	101
Е.А.Пономарева. О какой "грамматике" речь?	106
Н.И.Михайлова. "И учит азбуке детей".	111
А.В.Наумов. "Евгений Онегин" глазами криминалиста	114